

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 316.77:811.112.2

М. Н. Володина
Москва, Россия

О РОЛИ СМИ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале немецких массмедиа)

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье рассмотрены закономерности современной политической коммуникации, отмечаются все возрастающая «медиазация политики» в Германии, симбиоз политики и массмедиа.

Ключевые слова: политическая коммуникация; массмедиа; Германия; символическая политика; медиазация политики.

Сведения об авторе: Володина Майя Никитична, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, к. 977
e-mail: volodina@philol.msu.ru.

M. N. Volodina
Moscow, Russia

ON THE ROLE OF MASS MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATION (on the basis of German Mass Media)

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes rules of modern political communication, “mediatization of politics” in Germany and symbiosis of politics and Mass Media.

Key words: political communication; Mass Media; Germany; symbolical politics; mediatization of politics.

About the author: Volodina Majya Nikitichna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

Поставляя соответствующую социальную, политическую и культурную информацию, СМИ включаются в процесс и результаты социально-политической коммуникации, способствуя формированию конкретной картины мира в сознании адресата.

В отечественной традиции картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, создаваемых единичным или коллективным субъектом в процессе интерпретации действительности. Именно эта интерпретация лежит в основе картины мира, формирующейся в рамках системы коллективного знания, с помощью которого люди моделируют окружающий мир.

Уже более полувека основными «поставщиками» социально-политической и культурной информации, а также посредниками в распространении коллективного знания являются средства массовой информации, которые во многом способствуют поддержанию, изменению или трансформации картины мира субъекта, определенным образом интерпретируя этот мир и тем самым воздействуя на общественное сознание.

Весьма показательна в этом контексте оценка роли радио как одного из основных информационных каналов, данная в разное время разными общественными деятелями Германии. В 20-е годы XX века «отец немецкого радио» Г. Бредов определял радио как «цивилизующий инструмент в процессе становления человеческой личности» (zivilisatorisches Instrument der Menschenwerdung). Бертольд Брехт в это же время разработал особую теорию радиоискусства, стремясь с помощью радио донести до широких народных масс искусство, доступное прежде лишь избранным. В конце 30-х годов

прошлого века известные немецкие социологи Макс Хоркгеймер и Теодор Адорно, которые издали в США книгу «Диалектика просвещения» («Dialektik der Aufklärung») об «индустрии буржуазной культуры», определяли радио и другие массмедиа как инструмент обольщения масс (Instrument der Massenverdrummung). После прихода к власти Гитлера, когда радио стало важнейшим средством нацистской пропаганды, появляется книга Г. Экерта «Rundfunk als Führungsmittel» («Радио как орган власти»), а спустя десять лет, в 1948 г., выходит справочник «Fernsehen und Rundfunk für die Demokratie» («Телевидение и радио на службе демократии») [Володина 2003: 23].

Воздействующая функция средств массовой информации в значительной степени проявляется на уровне публицистики. Именно публицистический стиль как наиболее «открытый» в системе функциональных стилей «обслуживает политико-идеологические, общественно-экономические и культурные отношения» [Клушина 2008: 480].

Публицистика, ориентированная на отображение политической жизни общества, непосредственно связана с процессом политической коммуникации.

Одна из особенностей политической коммуникации сегодня состоит в том, что политик, претендующий на сколько-нибудь значительную роль в общественной жизни своей страны, должен активно использовать медийную информационную сферу, чтобы иметь реальную возможность заявить о себе и обеспечить продвижение своих идей, опираясь на поддержку общественного мнения.

С точки зрения депутата бундестага от Социал-демократической партии Германии, Карстена Шнайдера [Schneider 1999], публичная презентация важных политических решений

стала в современной Германии, пожалуй, важнее, чем само их содержание. Поэтому, например, одновременно с разработкой какого-либо законопроекта стоит задуматься о возможности его «сбыта» на медийном рынке. Прежде всего необходимо решить, куда наиболее эффективно поместить соответствующее политическое сообщение, чтобы добиться признания и публичного одобрения. Журналисты вступают в игру не позднее этого момента.

Задаваясь вопросом, являются ли журналисты только посредниками в процессе политической коммуникации, способствуя достижению цели политиков, руководствуются ли они собственными интересами, или просто передают информацию, Шнайдер приходит к неизбежному выводу о *симбиозе политики и массмедиа*. Политикам жизненно необходимо медийное пространство для пропаганды своих идей, завоевания приоритета в общественном мнении и самоутверждения. Журналисты, со своей стороны, нуждаются в «эксклюзивной» информации для повышения привлекательности и цитируемости своих изданий, а также для самоутверждения. Но делают ли массмедиа политику? В состоянии ли «четвертая власть» отделять собственные интересы от своей основной обязанности – поставлять «серьезную информацию»? На последний вопрос Шнайдер дает отрицательный ответ.

Эта проблематика интересует немецких политических деятелей, газетных обозревателей и исследователей массмедиа на протяжении всего периода конца XX – начала XXI вв. В фокусе внимания находятся и такие понятия, как «символическая политика», «инфотейнмент», «политейнмент» и «политический театр».

В исследованиях последнего десятилетия «символическая политика» трактуется как «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. <...> Символическая политика во все времена использовалась властью для укрепления своих основ, особенно в моменты социальных кризисов и распада. В отличие от прошлых эпох, современная власть инсценирует себя не при помощи статуй, медалей и триумфальных арок, а посредством фото- и кинопродукции, прессы, радио и телевидения» [Sarcinelli 1987; Поцелуев].

Символическую политику сегодня напрямую связывают с растущими возможностями массмедийных технологий и производством политических «звезд» по аналогии с шоу-бизнесом. Подобные аналогии возникают прежде всего по отношению к медиафеноменам «инфотейнмент», «политейнмент» и «политический театр», получившим широкое распространение не только в Германии: «Согласно теориям немецких и англо-американских исследователей, формирование стиля “инфотейнмент” стало

результатом расшатывания строгой дихотомии информационных и развлекательных форматов, как на радио, так и на телевидении. Предметом обсуждения массмедиа становится информация, развлекательная по своей сути, а серьезные сообщения могут преподноситься в развлекательной форме. Тезис о том, что информация интересна ровно в той мере, в какой она развлекательна или развлекательно преподнесена, является исходным пунктом для стиля инфотейнмент» [Еремина 2010: 3]. (Инфотейнмент (infotainment, от англ. information – информация и entertainment – развлечение) – информационные программы, в которых новости представлены зрителям в максимально развлекательной форме. Информирование аудитории и анализ событий максимально облегчены, а новостные программы представляют политику как сферу массовой культуры. В печатной индустрии этому термину соответствует термин «таблоидизация», описывающий аналогичные явления применительно к газетному рынку [Вартанова 2003].)

Термин «политейнмент», который является собой контаминацию слов «политика» и «инфотейнмент», обозначает понятие, отображающее наличие (или превалирование) развлекательного компонента на уровне политики. Со значением термина «политический театр» непосредственно связано представление об «инсценировании» соответствующего политического действия. Оба эти явления («политейнмент» и «политический театр»), относящиеся к индустрии политического развлечения, определяются как стратегические формы или виды политической коммуникации, которые рассчитаны на получение массовой поддержки политики власти с помощью политического шоу.

Показательно в связи с этим, что не только в сфере массмедиа, но и в области политики Германии сегодня широко употребляются термин «актер» (по отношению к журналисту/политику) и термин «публика» (по отношению к аудитории/адресатам). Немецкий исследователь Х. Гирнт, например, определяет политику как «актера, действующего на политической сцене» и апеллирующего к эмоциям своей публики – “Der Politiker als handelnder Akteur auf der politischen Bühne”; “Politiker appellieren an die Emotionen ihres Publikums...” [Girnth 2002: 1, 31].

Характерным для политической коммуникации такого рода считается особый стиль речи, основанный не столько на аргументации, сколько на эмоциях и эффектном использовании готовых к употреблению клише («politische Floskeln» [Erppler 1992]).

Выбор конкретных языковых средств, связанный с определенной оценкой действительности, существенно влияет на ее восприятие и осмысление. В политической коммуникативной сфере многократно повторяющийся контекст обретает системную силу, которая конденсирует наиболее актуальный текстовый смысл, ста-

новьясь политико-идеологическим кодом и выступая в роли символа. Подобные символы (стереотипы) можно рассматривать как специальное знание, которое фиксируется в концептуальном (понятийном) представлении носителей языка и вводится в языковое сознание. Речевая стратегия в данном случае предстает как когнитивный процесс, в котором коммуникативная цель соотносится с конкретным языковым выражением [Володина 2003: 26].

Воздействие структур речевой коммуникации на политическое сознание носителей языка осуществляется прежде всего на уровне публицистического дискурса в рамках политической коммуникации.

Особую роль в процессе политической коммуникации немецкие исследователи отводят «политическому языку» [см. Dieckmann 1980; Dörner 1991; Klein 1998], прагматическая ценность которого заключается в способности, определенным образом изменяя «смысловую акцент», использовать привычные политические понятия для манипулирования общественным сознанием. Именно в этом состоит сущность т. н. «семантической политики», ключ к пониманию которой следует искать в американской политической культуре, в рамках т. н. коммуникативных политтехнологий.

Основные положения «семантической политики» в Германии сформулировал К. Биденкопф, бывший генеральный секретарь партии христианских демократов (ХДС). Признавая язык «важнейшим стратегическим средством» в борьбе за достижение поставленных целей, он подчеркивал, что в современный период предпосылкой революционного преобразования государственного порядка становится «не захват правительственных зданий», а умение использовать в своих целях риторику противника, «окупируя» его понятия («Statt der Gebäude der Regierungen werden die Begriffe besetzt, mit denen sie regieren...») [Girnth 2002: 62–63].

Примером эффективности такой стратегии в Германии может служить предвыборная кампания 2005 года, которая способствовала смене политического вектора в стране. Острая предвыборная борьба Герхарда Шрёдера (СДПГ) и Ангелы Меркель (ХДС), как ведущих «концептоносителей» Германии того периода, вылилась на страницах немецких газет и экранах телевизоров в своеобразный диалог интерпретаций, в противостояние систем ценностей, презентуемое по шкале координат разных партий и обусловленное определенными стратегиями отбора риторических средств.

Указывая на важность социальных проблем, выносимых на обсуждение социал-демократами («справедливая налоговая реформа», «социальная справедливость и солидарность»), политические обозреватели единодушно отмечают эмоциональную выразительность их предвыборной риторики. Одновременно с этим подчеркивается прагматический ха-

актер риторики христианских демократов, в которой сочетаются «нападки на действующее правительство с конструктивными предложениями собственной предвыборной программы» («один из основных слоганов CDU: “Банкротство предприятий каждые 15 минут требует перемены курса Германии!”»): «Entscheidend war aber wohl, dass in der Schlussphase des Wahlkampfes mit der *Debatte um ein gerechtes Steuersystem eine emotional untersetzte Wertedebatte über soziale Gerechtigkeit und Solidarität* einherging, die die SPD-Anhängerschaft mobilisierte und Teile der Unionsklientel verunsicherte». [Hilmer 2006].

Очень значимым в данной ситуации стало также изменение общественного мнения по отношению к роли массмедиа в политическом процессе. С самого начала предвыборных телевизионных дебатов горячей поддержкой пользовались выступления против «медийной политики» в защиту политики «реальной». Эти выступления явились выражением растущего недоверия граждан Германии к политике, основанной на глобальном использовании средств массовой информации, и к политикам, практикующим такое использование.

Необходимо отметить, что массмедиа четко отреагировали на подобное изменение общественного мнения и умело использовали его, тиражируя и «подогревая» настроения избирателей. Вот почему, по словам К. Буркгарта, результаты выборов привели в замешательство всех экспертов по изучению общественного мнения, вызвали волну самокритических заявлений известных аналитиков, комментаторов и главных редакторов ведущих политических изданий Германии, а «медийный канцлер» Герхард Шредер «перепрофилировался» в «верховного» критика журналистов [Burkhardt].

Однако нельзя оценивать значение массмедиа по результатам выборов 2005 г., не учитывая политических приоритетов в стране того периода. «В новом Бундестаге осенью 2005 года сложилась патовая ситуация: ни у “красно-зеленых”, ни у буржуазного блока не было большинства. После долгих переговоров на суд гражданам Германии была представлена коалиция, которую пресса тут же окрестила “противоестественной” – ХДС/ХСС и СДПГ пошли на сделку друг с другом. Пожертвовав Шредером, социал-демократы получили в новом кабинете министров 8 кресел из 15» [Ватлин].

Анализируя проблему «медиатизации политики» в Германии, К. Буркгарт подчеркивает, что уроки выборов федерального канцлера 2005 г. заставляют снова и снова возвращаться к оценке роли массмедиа. При этом автор статьи считает особенно важным обращение к позиции таких немецких исследователей прошлого и настоящего, как Макс Вебер (1864–1920), Карл Шмитт (1888–1985), Никлас Луман (1927–1998) и Юрген Хабермас [см. Habermas 1971].

В ссылке на доклад Макса Вебера «Политика как профессия» („Politik als Beruf“) К. Буркгардт выделяет его тезис о «журналистской деятельности, “заземленной в активном” политическом процессе», наряду с его же высказываниями о «социальном статусе журналистов» как представителей «комментирующего класса» [Burkhardt].

Обращаясь к неоднозначной фигуре социолога и философа Карла Шмитта, Буркгардт отталкивается на его четко сформулированной мысли о серьезной угрозе, исходящей от массмедиа, которые все активнее воздействуют на «чистую» политику, по-своему лишая ее «дееспособности».

Широкой известностью пользуется книга другого немецкого социолога, Никласа Лумана, «Реальность массмедиа» (“Die Realität der Massenmedien” [Luhmann 1996]), в которой автор говорит о реальности, «конструируемой средствами массовой информации» (подробнее об этом см.: [Володина 2004: 33–35]).

В последнее время немецкие политологи и исследователи массмедиа все чаще обращаются к работам известного философа и социолога Юргена Хабермаса. Анализируя «общественно-коммуникативные» процессы в гражданском обществе (kommunikative Öffentlichkeit) [Habermas 1971], Хабермас подчеркивает, что их реальное функционирование подвергается серьезному воздействию со стороны политических, экономических и массмедийных системных механизмов.

Оценка роли массмедиа в процессе политической коммуникации находится сегодня в фокусе особого внимания общественности Германии. Во главу угла ставится проблема утраты дистанции между политикой и деятельностью журналистов, вопрос о том, «кто кого использует («instrumentalisiert») в этой сфере – массмедиа политику или политики, которые нередко присваивают себе массмедиа» [Bundeszentrale für politische Bildung].

Представляется, что необходимость установить четкую границу между журналистской деятельностью и политикой является жизненно важной для обеих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

Ватлин А. Пять лет без Шредера: первые выводы о достижениях и упущениях... URL: <http://www.Germania-online.ru/politika/politika-detall/datum/2010/09/17/>.

Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. Глоссарий. – М., 2003.

Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. С. 9–31.

Володина М. Н. Язык СМИ – особый язык со-

циального взаимодействия // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 2. – М., 2004. С. 11–37.

Еремина Д. А. Особенности информационно-развлекательного стиля (инфотеймент) на общественно-правовых и частных радиостанциях Германии (на материале утренних шоу радиостанций NDR2 и Radio ffn): дипломная работа [научный руководитель: д. ф. н., проф. М. Н. Володина]. – М., 2010.

Клушина Н. И. Особенности публицистического стиля // Язык средств массовой информации [под ред. М. Н. Володиной]. – М., 2008. С. 479–495.

Почелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме. Символическая политика как инсценирование и эстетизация URL: <http://znl.boom.ru/bibl/Pocel.htm>.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000.

Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008.

Bundeszentrale für politische Bildung. Video-Interviews: Medien und Politik (März 2006). URL: <http://www.bpb.de/>.

Burkhardt K. Begriffe und Positionen des „Politischen“ in der Kommunikationsgesellschaft. (Institut für Medien- und Kommunikationspolitik). URL: <http://medienpolitik>.

Dieckmann W. Sprache in der Politik // Greiffenhagen M. (Hrsg.). Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1980. S. 47–64.

Dörner A. Politische Sprache – Instrument und Institution der Politik // APUZ. 1991. Nr. B17. S. 3–11.

Eppler E. Kavalleriepferde beim Hornsignal. Die Krise der Politik im Spiegel der Sprache. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Girnth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. – Tübingen, 2002.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied. 5. Aufl. – Berlin, 1971.

Hilmer R. = Müller-Hilmer R. Die Bundestagswahl vom 18. September 2005: Votum für Wechsel in Kontinuität // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2006. Nr. 1. S. 183–218.

Klein J. Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Jarren O., Sarcinelli U., Sauer U. (Hrsg.). Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. S. 186–210.

Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. – Opladen, 1996.

Sarcinelli U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987.

Schneider C. Nach dem Sommertheater übt die Regierungspartei Kommunikationsdisziplin // Berliner Republik. Das Debattenmagazin. 1999. № 1.

© Володина М. Н., 2010